

Роман Старцев

Страна трех цветов

Роман Старцев

Страна трех цветов

«Автор»

2026

Старцев Р.

Страна трех цветов / Р. Старцев — «Автор», 2026

В стране Трихромии, где три волшебных краски разделены строгим запретом, правят серый порядок и страх. Трое детей из разных окраин — озорной Фигель, упрямая Брысь и мечтательная Яра — видят один сон о трёх сердцах и радужном мосте. Они отправляются навстречу друг другу, рискуя всем, чтобы бросить вызов Правителю Грилли. Их путешествие — это не битва, а попытка исцелить мир, вернув ему утраченную гармонию. Сила — в единстве, а настоящее чудо начинается, когда цвета учатся дружить.

© Старцев Р., 2026

© Автор, 2026

Роман Старцев

Страна трех цветов

Пролог

Давным-давно, там, где кончаются обычные карты и начинается страна чудес, лежала удивительная земля. Звали её Трихромия, но чаще говорили просто – Страна Трёх Цветов. И было это имя ей под стать. Небо здесь было не просто голубым, а трава – просто зелёной. Нет, сама земля, воздух и даже реки словно были сотканы из трёх волшебных красок.

На востоке, у подножия бархатных холмов, простирался Зелёный Край. Там светились изумрудные листья деревьев, шептались травы цвета молодой весны, и даже дождик там был прозрачно-нефритовым. Жители этого края, зеленоокие и ловкие, знали язык ветра и секреты самых древних корней. Они верили, что их цвет – самый важный, ибо он есть сама Жизнь.

На западе, за хребтами сизых гор, лежала Фиолетовая Область. Её долины утопали в туманах цвета спелой сливы и лавандовых сумерек. Там цвели фиалковые луга, а в пещерах сверкали аметистовые кристаллы. Народ здесь был гордым и мудрым, носил одежды оттенков ночи и грозowych туч. Они были уверены, что фиолетовый – цвет истинной Мудрости и благородной Силы, и нет ему равных.

А на юге, где солнце было щедрым и жарким, раскинулась Оранжевая Земля. Поля там пылали, как расплавленное золото и тыквенная мякоть, песок отливал охрой, а закаты полыхали костром. Жители, весёлые и голосистые, пели песни, пекли сладкие пряники и верили, что их огненный цвет – это сама Радость и Щедрость, без которых мир угаснет.

Но была в этой красоте беда. Цвета не смешивались. Между краями стояли невидимые стены недоверия. Зелёные считали фиолетовых угрюмыми зазнайками, фиолетовые – оранжевых пустоголовыми крикунами, а оранжевые – зелёных скучными тихонями. Они не торговали, не гостили друг у дружки, а только спорили, чей цвет правильней и краше. И этой разобщённостью, словно ядом, питался тот, кто правил ими всеми из холодной, блестящей столицы – города Гриммара.

Звали его Грилл. Когда-то, в незапамятные времена, он был человеком, даже алхимиком, мечтавшим объединить все краски мира в одну – совершенную и светлую. Но в его сердце, кроме мечты, жил страх: страх ошибиться, страх потерять контроль, страх, что краски поглотят его. И однажды страх победил. Волшебный эликсир единства, над которым он трудился, обратился во Тьму. Она не поглотила цвета, но навсегда разделила их, а самого Грилла сковала в его алмазной башне. Теперь он правил железной рукой, запрещая любое смешение, любой намёк на единство. Его стража в серых плащах следила, чтобы зелёное не пересекалось с оранжевым, а фиолетовое не заигрывало с изумрудным. Он убедил всех, что только так, в строгом порядке, можно уберечь страну от хаоса.

Так и жила Страна Трёх Цветов: прекрасная, яркая, но несчастливая и разъединённая. Казалось, так будет всегда.

Но тишину разделённого мира иногда пронзают сны. Особенности сны. Они, как первые ростки, способны пробить самую толстую плиту. И однажды такие сны приснились троим: озорному мальчишке из Зелёного Края, отважной девчонке из Фиолетовой Области и тихой мечтательнице из Оранжевой Земли. Им ещё не ведомо, что их сны – это одно и то же послание. Послание о том, что настоящая магия начинается не с разделения, а с дружбы. И что даже самое тёмное колдовство боится трёх сердец, бьющихся в унисон.

Их путешествие навстречу друг другу уже началось. Во сне. А наяву ему только предстоит свершиться.

История 1: Зелёный непоседа и странный сон

В самой гуще Зелёного Края, где кроны деревьев сплетались в живой изумрудный шатёр, а воздух пах мхом, дождевой водой и спелыми яблоками, жил мальчишка по имени Фигель. И жила в нём неугомонная пружинка, которая не давала ему сидеть на месте дольше пяти минут.

В то утро он, конечно же, не помогал отцу собирать хрустальные рослинки (хотя обещал) и не доделывал урок по истории Зелёного Уклада (хотя его уже журили). Вместо этого Фигель, ловкий, как лесная белка, качался на лиане над тихим омутом, пытаясь изобрести новый, самый головокружительный способ в него нырнуть.

– Фигель! – донёсся с берега голос его старшей сестры. – Опять ты позабыл про всё на свете! Бабушка Норила ждёт тебя у старого дуба. Сказала, дело важное!

«Важное» от бабушки Норилы, хранительницы местных сказок и премудростей, могло означать что угодно: и рассказ о поющих корнях, и срочную починку её солнечного котла, и нудную лекцию о том, как прадеды чтили зелень. Фигель вздохнул, сделал последний, не слишком удачный пируэт, шлёпнулся в прохладную воду и, отряхнувшись, побежал через лес.

Сердце Зелёного Края – древний дуб Могар – был не просто деревом. Он был целым миром. Его ствол, тёплый и испещрённый узорами, похожими на карты, вмещал в дупло целую хижину бабушки Норилы. От его ветвей, казалось, исходила тихая, медленная сила, от которой даже у Фигеля на минуту утихала внутренняя пружинка.

– Входи, пружинный зайчик, – улыбнулась Норила, разливая ароматный чай из пахучки. Её лицо, похожее на сморщенное лесное яблоко, светилось добротой.

Она не стала читать нотаций. Она просто рассказала ему старую-престарую легенду, которую не рассказывала уже много лет. Легенду о времени, когда цвета в стране не были разделены, а перетекали друг в друга, рождая на закате невиданные цветы – сиреневые с золотыми искрами, бирюзовые с алыми всполохами.

– И что случилось с теми цветами, бабушка? – выдохнул Фигель, зачарованный ее рассказом.

– Их поглотил Страх, детка. Великий и липкий. И породил он Серого Властителя, что ныне правит в Гриммаре. Он боится этих смешанных красок больше всего на свете, ибо они сильнее его.

Вечером, лёжа в своей кровати-гамаке под сводами дома на дереве, Фигель думал о тех удивительных цветах. Ему вдруг страстно захотелось увидеть не только зелёный, пусть и в его сотне оттенков, а тот самый, запретный, сияющий закат. Эта мысль жужжала в голове, пока он не уснул.

И ему приснился сон.

Это был не обычный сон. В нём не было ни леса, ни дома. Он стоял в полной, бархатной темноте. Но из темноты возникли два светящихся пятна. Одно – тёплое, живое, золотисто-оранжевое, словно мёд или костёр. Другое – глубокое, таинственное, фиолетовое, как ночное небо перед грозой. Эти пятна пульсировали, как сердца. А потом из них родились смутные образы: девочка с взъерошенными волосами и смелым взглядом (фиолетовое сердце) и девочка с мягкой улыбкой, в руках у которой мерцал какой-то инструмент, похожий на звёздочку (оранжевое сердце).

Потом явился голос. Не голос, а скорее чувство, мысль, вложенная прямо в сознание:

«Ищите друг друга. Трое – одно. Мост через тьму. Только вместе...»

И в финале сна, из трёх точек – его собственной зелёной, фиолетовой и оранжевой – вспыхнул ослепительный белый мост, который пронзил тьму и рассыпался на миллионы радужных брызг.

Фигель проснулся с таким же ощущением, как после прыжка с высокой скалы: сердце колотилось, в груди было и страшно, и невероятно радостно. Лунный свет, пробиваясь сквозь листву, рисовал на полу таинственные узоры. Он сел на кровати, и его взгляд упал на старую корзину, куда он сбрасывал всякие интересные находки. Что-то в ней тихо светилося собственным, приглушённым зелёным светом.

Мальчик наклонился. Это был небольшой, чуть шероховатый камень, который он подобрал у ручья пару дней назад, приняв за обычную гальку. Но сейчас камень был тёплым, и его свечение было не сплошным – внутри, будто в тумане, мерцали два крошечных, едва уловимых огонька: один фиолетовый, другой оранжевый.

Лёд страха и жар отваги схлестнулись у Фигеля внутри. Бабушкина легенда. Сон. Камень. Это не было совпадением. Это было послание. Приказ. Приглашение.

Он выпянул в окно. Внизу, в деревне, всё спало мирным зелёным сном. Где-то далеко, за непроходимыми лесами и горами, были другие края, другие цвета. И там, наверное, тоже сейчас спали две девочки, которым приснился такой же странный сон.

Фигель крепко сжал в ладони тёплый камень. Пружинка внутри него задвигалась с новой, незнакомой силой. Это была уже не просто энергия озорства. Это был зов.

«Ищите друг друга», – эхом отозвалось в памяти.

И он понял, что утром, не сказав ни слова, ни бабушке, ни сестре, он возьмёт свою походную сумку, прихватит верный посох и карту (пусть и старую, с белым пятном на месте других краёв) и шагнёт за границу Зелёного Края. Навстречу фиолетовому и оранжевому сердцам. Навстречу опасности, запретам и самому Гриллу.

Потому что иногда, чтобы спасти свой мир, нужно смело шагнуть прочь от него.

История 2: Туман и твёрдая воля

В то самое утро, когда Фигель в Зелёном Краю собирал в спешке свою походную сумку, на западе, в Фиолетовой Области, день начинался не с шелеста листьев, а с тишины, обёрнутой в туман.

Туман здесь был особенным – густым, влажным, переливающимся всеми оттенками черничного вина и увядшей лаванды. Он скрывал острые пики аметистовых скал и окутывал строгие, вытянутые ввысь дома города Шель. Здесь всё было подчинено порядку, достоинству и чувству долга. Даже дети говорили чуть медленнее и вдумчивее, а их игры чаще напоминали стратегические упражнения.

Брысь была тем, кого взрослые называли «крепким орешком». Невысокая, коренастая, с упрямым квадратным подбородком и парой живых, неукротимых глаз, она выделялась среди своих сверстников. В то время как другие девочки практиковали искусство тихой беседы или вышивание геральдических узоров, Брысь лазила по обрывам за редкими кристаллами, училась вязать надёжные узлы и могла одним метким броском камня сбить шишку с самой высокой сосны.

Её родители, уважаемые мастера по огранке аметистов, лишь вздыхали. «Твоя энергия, дочь, – это сила фиолетового пламени, – говорил отец. – Но пламя нужно направлять, а не давать ему жечь всё подряд».

«Фиолетовый – цвет глубины и размышления, – добавляла мать. – Попробуй иногда и помолчать, подумать».

Но Брысь хотела не думать, а действовать. Особенно сегодня. Её, как и весь класс, повели в Зал Отражений – пещеру, где стены из полированного чёрного обсидиана множили любой источник света до бесконечности. Учительница, высокая и прямая, как свеча, рассказывала о важности внутреннего созерцания.

– Вглядитесь в глубину своего отражения, – вещала она. – Увидьте не лицо, а суть. Фиолетовая суть – стойкая, непоколебимая...

Брысь вгляделась. Увидела свои веснушки, сбившийся чуб и выражение лёгкой скуки. А потом... потом отражение словно задрожало. За её спиной в чёрной глади обсидиана вспыхнули два пятна света: одно – яростно-зелёное, словно вспышка молнии в лесу, другое – тёплое, уютное, оранжевое, как свет окна в стужу. Они пульсировали в такт её сердцебиению. И тут же в голове пронеслись обрывки образов из прошлой ночи.

Её собственный сон был полон движения и угрозы. Она не просто видела светящиеся сердца – она бежала от чего-то серого и бесформенного, что пыталось её поглотить. И в тот момент, когда холод уже сковал пятки, эти два света – зелёный и оранжевый – протянулись к ней, создав живой, трепещущий мост. Она перебежала по нему, и сзади раздался звук ломающихся клыков. Голос в том сне был не намёком, а приказом, брошенным сквозь зубы: «Не стой! Ищи! Только вместе не сломить!»

– Брысь? Ты с нами? – голос учительницы вернул её в Зал.

– Да, – буркнула девочка, отводя взгляд от пугающе-пустой теперь стены. Сердце колотилось как бешеное. Это был не сон. Это было предупреждение.

Весь оставшийся день она была не в себе. Даже за ужином, где отец рассуждал о новых методах огранки, а мать делилась придворными слухами из Гриммара (где всем заправляли серые советники Грилла), Брысь молчала. Она ловила себя на мысли, что смотрит на фиолетовую похлёбку, на фиолетовую скатерть, на фиолетовые одежды родителей и чувствовала... тоску. Острую, колючую тоску по чему-то другому. По тому самому дерзкому зелёному и уютному оранжевому.

Перед сном она, как всегда, проверяла свою «тайную коллекцию»: не огранённые, дикие кристаллы, найденные ею самой. Они лежали в коробке из-под материнских ниток. И среди сланцев и обычных кварцев сегодня лежал новый, незнакомый камень. Он был похож на кусочек фиолетового стекла, но внутри него, будто в капле воды, застыли два крошечных пузырька света: один – ярко-зелёный, другой – солнечно-оранжевый.

Рука сама потянулась к нему. В момент прикосновения в ушах отозвался шум ветра, смешанный с далёким, весёлым смехом (зелёный?) и обрывком мелодии (оранжевый?). И снова тот внутренний приказ: «Ищи!»

Брысь сжала камень в кулаке. Её практичный ум, воспитанный в фиолетовом мире долга и порядка, начал работать. Сон – мог быть игрой воображения. Видение в Зале Отражений – усталостью. Но камень? Камень был реален. Он лежал у неё в руке, тёплый и пульсирующий, как живой. Значит, и угроза была реальна. Значит, и призыв о помощи – если это был он – тоже реален.

Она не была мечтательницей, как та девочка из сна с оранжевым сердцем. И не была беспечным выдумщиком, как мальчишка со вспышкой зелёного. Она была Брысь. И если на её долю выпала миссия, её нужно было выполнить. Чётко, смело и без лишних слов.

Той же ночью, когда в доме воцарилась тишина, Брысь встала. Она оделась в самое тёмное, не стесняющее движений платье, накинула поношенный плащ. В прочный рюкзак уложила еды, флягу с водой, верную пращу, нож, карту областей (на её карте Зелёный Край и Оранжевая Земля были обозначены лишь схематично, с грифом «Запретная зона»), и, конечно, тот самый камень, завернутый в тряпицу.

Она остановилась на пороге своей комнаты, оглянулась. Здесь было безопасно, привычно, фиолетово. Но здесь тоже была ловушка – ловушка спокойствия, которая могла поглотить не хуже серого чудовища из сна.

– Я не сломаюсь, – тихо, но твёрдо сказала она себе и всему своему прежнему миру. – Я найду их. И мы сломаем это.

И шагнула в спящий дом, чтобы выйти из него в туманную ночь. Её путь лежал на восток – туда, где, по слухам, кончались достойные фиолетовые скалы и начиналось что-то буйное, непредсказуемое и зелёное.

История 3: Нота в оранжевом небе

Пока Фигель пробирался через буйные заросли, а Брысь шагала по каменистым фиолетовым тропам, на юге, в Оранжевой Земле, день угасал, окрашивая всё в последние, самые сладкие оттенки: цвет спелой кураги, тлеющих углей и мёда.

Здесь дома были не прямыми, а округлыми, словно булки из печи, и сложены из тёплого песчаника. В воздухе витали запахи корицы, печёных яблок и сухой полыни. И звучала музыка. Почти всегда. Переливчатые трели флейт из тростника, ритмичный перестук кастаньет из абрикосовых косточек, низкое гудение глиняных горшков-гудков.

Яра не была самой громкой в этом хоре, но её музыка была особенной. Она сидела на плоской крыше своего дома, подпирая колени подбородком, и смотрела, как солнце растекается по небу жидким золотом. В руках она держала звёздную флейту – старинный инструмент, похожий на окарину, но с семью отверстиями, выложенными мельчайшими блестящими камушками. Его мелодия была тихой, задумчивой, похожей на журчание ручья, вспоминающего свой источник.

Яра была мечтательницей. Её мир был наполнен не столько делами, сколько образами, звуками и историями, которые она собирала, как пчёлка нектар. Она записывала в потрёпанную тетрадь в переплёте из жёлтой кожи легенды, которые рассказывала её бабушка, баюкавшая внуку не колыбельными, а сказаниями о временах, «когда краски дружили». А ещё Яра любила слушать. Слушать, как поёт ветер в каньонах, как стрекочут кузнечики в рыжей траве, как перешёптываются между собой старые дома.

Но в последнее время в этот привычный хор вкрадывалась фальшивая нота. Точнее, не нота, а тишина. Там, где должны быть споры о лучшем рецепте пирога, всё чаще звучали усталые вздохи. Где должны были пылать костры для вечерних танцев, всё чаще люди просто сидели, глядя в землю, и в их глазах не отражалось оранжевое пламя. Будто серый налёт ложился не только на одежду и стены (стражи Грилла стали появляться и здесь чаще), но и на души.

– Это он высасывает радость, – тихо сказала как-то бабушка, глядя в даль, где по пыльной дороге уходили серые плащи. – Как жаба воду из лужи. Боится он нашего смеха, нашей музыки больше всего. Потому что от этого его власть тает.

В ту ночь Яре приснился самый ясный сон в её жизни.

Ей снилось, что она стоит посреди бескрайнего поля, усыпанного не пшеницей, а нотными знаками, которые искрились, как золотая пыль. Небо над ней было партитурой из трёх цветных линий. Вдруг зелёная линия ожила, заструилась, как лиана, и на ней вырос смешной мальчишка, кувыряясь и хватаясь за ноты, словно за ветки. Потом зазвучала, отбивая чёткий ритм, фиолетовая линия, и по ней твёрдым, уверенным шагом прошла девочка с взъерошенными волосами.

А её собственная, оранжевая линия, запела. И это была её мелодия, та самая, грустная и светлая. Но она была одной-единственной, и от этого ей было одиноко. И тогда двое других – зелёный шалун и фиолетовая храбрец – протянули к её нотам руки. Не чтобы сорвать их, а чтобы добавить свои. В зелёную мелодию вплелись озорные трели, в фиолетовую – уверенные басовые ноты. А её собственная песня, поддержанная ими, зазвучала полнее, громче, превратившись из ручейка в могучую, сияющую реку. И эта река света хлынула вдаль, смывая серую плёнку с неба и земли.

Голос во сне был не словом, а самой этой мелодией, и в ней был смысл: «Собери нас. Свяжи ноты в песню. Столица ждёт хора».

Яра проснулась со слезами на глазах, но это были слёзы не грусти, а узнавания. Как будто она всю жизнь слышала эту музыку вполуха, а теперь, наконец, расслышала её полностью.

Она подошла к своему сундуку с сокровищами: там лежали тетрадь, засушенные цветы невероятных оттенков (крошечные, чудом сохранившиеся), ракушки, похожие на застывшие звуки. И сверху, на бархатной подкладке, лежала старая, потрёпанная карта. Она доставала её не часто – боялась, что та рассыплется. Это была не официальная карта с запретными зонами, а семейная реликвия, нарисованная её прапрадедом-путешественником. На ней все три области были соединены причудливыми, цветными линиями, а в центре сиял город Гриммар, изображённый не как крепость, а как огромная, сложная лира.

И когда первый луч солнца упал на пергамент, Яра увидела то, чего раньше не замечала. В трёх уголках карты, над изображениями леса, гор и долин, кто-то когда-то вывел крошечные, почти исчезнувшие значки. Над Зелёным Краем – бегущего человечка. Над Фиолетовой Областью – щит. Над Оранжевой Землёй – ноту. И от этих значков к столице тянулись едва видимые пунктирные тропинки.

Рука её дрожала, когда она осторожно коснулась значка ноты. И тогда с полки над сундуком, где лежала её звёздная флейта, послышался тихий, чистый звук – словно кто-то дунул в неё с невесомой силой. Флейта светилась изнутри мягким оранжевым светом, и в глубине этого света, как в магическом шаре, на миг мелькнули два силуэта: один – резвый и угловатый, другой – упрямый и прямой.

Сердце Яры ёкнуло не от страха, а от невероятной нежности и ответственности. Они были реальны. Они ждали. Их песня ждала.

Она не стала собираться тайно, как Фигель или как Брысь. Она надела своё лучшее платье цвета спелой хурмы, аккуратно упаковала в котомку тетрадь, флейту, краюху сладкого хлеба и маленькую флягу с душистым чаем. Бабушка, молча наблюдавшая за ней с порога, лишь кивнула, и её старые глаза блеснули пониманием и гордостью.

– Возьми это, – сказала бабушка, протягивая ей маленький мешочек. – Соль земли и щепотка золотой пылицы. Чтобы дорога питала, а память светила.

Яра крепко обняла её. Она не говорила «прощай», потому что знала – она идёт не просто в путешествие. Она шла навстречу частицам своей собственной, недопетой песни.

Выйдя за околицу, она поднесла флейту к губам и извлекла из неё ту самую мелодию из сна – зовущую, печальную и полную надежды. Она играла её, шагая на север, туда, где оранжевые поля встречались с сизыми предгорьями фиолетовых земель. Её путь был самым долгим и, пожалуй, самым опасным для такой тихой души. Но в её сердце теперь звучал не одинокий голос, а обещание будущего хора. И это придавало её шагам неслышную, но твёрдую уверенность. Она шла не просто искать друзей. Она шла, чтобы завершить музыку, прерванную много лет назад.

История 4: На границе тумана и листвы

Путь Фигеля поначалу напоминал весёлую прогулку. Зелёный Край встречал его как старого друга: лианы подставляли крепкие «руки», птицы подсказывали дорогу весёлыми трелями, а ручьи угощали чистой водой. Но чем дальше он уходил от дома, тем больше менялся лес. Деревья становились выше и строже, их стволы темнели, а свет, пробивавшийся сквозь кроны, терял изумрудную нежность и становился холодным, аквамаринным. Тишина перестала быть уютной – теперь она была настороженной. Это была уже не живая тишина дома, а пустая, словно лес затаился и замер.

Фигель достал свой светящийся камень. Зелёное свечение по-прежнему пульсировало, но два чужих огонька внутри – фиолетовый и оранжевый – горели теперь ярче и тревожнее, будто подгоняя его.

Именно эта тревога, а не лесные шорохи, заставила его свернуть с тропы и спрятаться в зарослях колючего папоротника. Недаром: через мгновение по тропе прошли двое. Не местные зеленоодежные дровосеки, а двое в длинных, пыльных плащах цвета сухой глины. Серые соглядатаи. Стража Грилла. Они шли молча, их лица были скрыты капюшонами, а взгляды, холодные и пустые, скользили по деревьям, будто выискивая что-то нездешнее. Один из них на секунду остановился и повернул голову в сторону Фигеля. У мальчика замерло сердце. Но соглядатай лишь щёлкнул языком, и они двинулись дальше, растворившись в зелёных сумерках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.